

ВВЕДЕНИЕ

В число стран древнего Востока входило также и Урарту, в свое время довольно могущественное и в культурном отношении развитое государство. В настоящее время, наряду с ранее известными материалами, новые сведения об этом государстве дают проводимые на территории Армянской ССР археологические раскопки, которые восполняют многие пробелы в истории культуры Урарту. Ценность этих сведений определяется прежде всего тем, что восстанавливается картина историко-культурной жизни отдаленного прошлого нашей Родины, на территории которой Урарту являлось первым государственным образованием.

Начиная с середины IX в. до н. э., в период своего все возрастающего могущества, Урарту прочно преграждает путь ассирийскому продвижению на север и само начинает расширять свои границы за счет территории южного Закавказья. Осваивая эти новые территории, урарты основывают здесь свои сильно укрепленные опорные пункты, города-крепости, являвшиеся одновременно административными центрами покоренных областей.

В первой половине VIII в. до н. э. завоевательная политика урартского государства принимает еще более широкие размеры. Урарты продвигаются на север—за реку Аракс—и далее в глубь новых территорий в сторону озера Севан и горы Арагац. Освоение этих районов шло настолько интенсивно, что уже при Аргишти, сыне Менуа, здесь, на Араратской равнине, помимо известных нам урартских населенных пунктов, были построены такие крупные города, как Эрсбун (Арин-берд) и Аргиштихинили (Армавирский холм).

Завоевание новых территорий после Аргишти продолжил его сын Сардури II (750—730 гг. до н. э.) и внук Руса I (735—714 гг. до н. э.). При них урарты прочно овладели некоторыми районами севернее реки Аракс, где и было развернуто интенсивное строительство новых и больших крепостей. Так, на западном и южном берегах озера Севан, на окраине завоеванной урартами территории, Руса I основал «Крепость бога Халди» (у нынешнего города Камо) и «Город бога Тейшебы» (у селения Цовинар). Судя по историческим материалам, это были довольно крупные города. И все же из всех древних областей, находившихся на территории современной Армянской ССР, крайне важной для урартского государства как в политическом, так и, особенно, в экономическом отношении, была плодородная Араратская равнина, где урарты строили свои наиболее крупные города. Этим именно и следует объяснить большое

количество урартских крепостей, возводившихся здесь на сравнительно небольшой территории (Армавир, Кармир-блур, Арин-берд, Аревашат, Арагац).

Наряду с постройкой крепостей и городов, в Араратской равнине строились также мощные ирригационные каналы, среди которых наиболее известным является канал Аргишти I, проведенный в районе города Аргиштихинили. Не менее известны и функционирующие до настоящего времени канал Русы II, пробитый в скале напротив города Тейшебаини и орошавший водами реки Илдаруниа (Раздан) земли Куарлинской равнины, а также канал с тоннелем под городом Ереваном, орошающий далминские сады.

Эти важные объекты строительной деятельности урартов обуславливали развитие сельского хозяйства на данных территориях страны.

По свидетельству древних письменных источников, урартские ирригационные каналы в центральных областях страны имели более развитую сеть с комплексом различных искусственных сооружений. Действие этих каналов было настолько эффективным, что один из них — канал города Улху — удостоился подробного описания в летописях ассирийского царя Саргона¹.

Возникновение крупных городов на Араратской равнине, являющейся, как было сказано, одним из наиболее плодородных районов южного Закавказья, и развитие там ирригационной сети становится особенно понятным в свете указаний К. Маркса о том, что «история классической древности — это история городов, но история городов, основанных на земельной собственности и на земледелии»². Это становится особенно наглядным в результате раскопок Кармир-блур, где обильно выявленный археологический материал раскрывает хозяйственную жизнь Тейшебаини и дает картину древнего земледелия, садоводства и животноводства, иногда в самых мельчайших подробностях³.

Теперь, после систематических раскопок последних лет, стало ясно, что в ряду крупных городов, основанных урартами в южном Закавказье, одним из наиболее значительных был город Эребуни, основанный не только задолго до Тейшебаини, но и на несколько лет раньше другого крупного урартского центра на территории Араратской равнины — Аргиштихинили.

Развалины Эребуни находятся на юго-восточной окраине Еревана, на территории между районами Нор Ареш и Вардашен. Здесь, на холме Арин-берд, систематическими раскопками, начатыми еще в 1950 г., раскрывается цитадель древнего города.

На этот холм, как памятник урартской эпохи, впервые обратил вни

¹ Гр. Капанцян. История Урарту. «Научные труды Ереванского государственного университета». 1910 XIV, стр. II (на арм. яз.).

² К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству. «Вестник древней истории», 1940, № 1, стр. 5.

³ Б. Б. Пиотровский. Кармир-блур. I. II. III. Академия наук Армянской ССР. «Археологические раскопки в Армении», № 1, 2, 4.

мание археолог А. А. Ивановский, сопровождавший М. В. Никольского, изучавшего клинописи Закавказья. А. А. Ивановский приобрел у жителя села Чолмакчи (ныне Норк) Папака Тер-Аветисова базальтовый камень с клинообразной надписью, найденный Тер-Аветисовым в 1879 г. у подножия Арин-берда. Надпись, вскоре после того опубликованная М. В. Никольским⁴, рассказывает о возведении на холме урартским царем Аргишти I постройки, обозначенной в тексте клинописным термином «агі», переводимым как «зернохранилище» емкостью 10 100 капи⁵.

Таким образом, упоминание в надписи имени Аргишти I дало возможность установить дату памятника, назначение же сооружения, обозначенного термином «агі», выяснилось позднее.

Можно предположить, что в 1894 г., когда в связи с приобретением клинообразной надписи А. А. Ивановский производил обследование крепости, древние ее стены были уже неразличимы и на поверхности холма находились постройки более позднего времени. Это предположение основывается на том, что на составленном А. А. Ивановским схематическом плане крепости отмечены такие стены, которые совершенно не совпадают с выявленным теперь древним планом⁶. Разведывательные раскопки А. А. Иванова не дали определенного археологического материала, поскольку, как это выяснилось впоследствии, грандиозный комплекс Эребуни требует не кратковременных разведывательных, а больших и систематических раскопок.

Со времени разведок А. А. Иванова холм Арин-берд длительное время не подвергался исследованиям. Положение изменилось лишь спустя 50 лет, когда проблемы, связанные с Тейшебаини, потребовали исследования некоторых урартских крепостей, в том числе и крепости Арин-берд. Кроме того, охрана древних памятников требовала также проведения и укрепительных мероприятий на этом холме. Только с 1950 г. Арин-берд стал объектом сначала разведывательных, а затем систематических археологических раскопок⁷.

Раскопками установлено, что урартская крепость Эребуни не подверглась разрушению при штурме как Тейшебаини (Кармир-блур), а была в свое время покинута. Б. Б. Пиотровский полагает, что Эребуни, как и другие урартские центры VIII в. до н. э., потерял свое прежнее значение в силу реформы административного управления. Подобно тому, как жизнь в Тушпе с Ванской скалы переместилась в город Русы (Топрах-кале), так и Тейшебаини заменил Эребуни. В Тейшебаини были перевезены и сокровища из дворцовых кладовых Эребуни. Во всяком случае на четырех щитах, найденных на Кармир-блуре, в надписях Аргишти, сына Менуа, упоминается, что эти щиты были изготовлены для Эре-

⁴ М. В. Никольский. «Материалы по археологии Кавказа». Вып. V. Москва, стр. 51.

⁵ Г. А. Меликишвили. Древневосточные материалы по истории народов Закавказья. I. Нанри-Урарту. Изд. Академии наук Грузинской ССР. Тбилиси. 1954, стр. 260.

⁶ А. А. Ивановский. «Материалы по археологии Кавказа». Вып. VI. М. 1911, стр. 55.

⁷ К. Оганесян. Арин-берд (Ганли-тапа) — урартская крепость города Ирпунни. «Известия АН Армянской ССР», 1951, № 8.

буни⁸. Вероятно, и другие бронзовые художественные предметы (шлемы, колчаны, чаши с именами урартских царей VIII в. до н. э., части конского убора и др.) также хранились раньше в Эребуни.

Раскопки на Арин-берде дали незначительное количество археологического материала; в крепости не прослеживается даже культурный слой урартского времени. Большинство древних предметов обнаруживается случайно при расчистке архитектурных сооружений. Наиболее многочисленными находками являются обломки глиняных сосудов, причем целых сосудов обнаружено не было. Найдены образцы характерной простой лощеной урартской керамики (чаши, кувшины с одной ручкой). В кладовых для вина находились крупные карасы. Многие обломки урартской керамики (особенно в колонном зале) извлекались из земляной насыпи крыши, так как разрозненные обломки сосудов лежали вместе с перегоревшей циновкой и тростником, т. е. остатками перекрытия. В разных местах были найдены три урартские печати: одна цилиндрическая со сценой охоты, вторая гиревидная с изображением льва и третья костяная, плоская, квадратная с двухсторонним изображением лежащего грифона (материал публикует М. А. Исраелян). Из бронзовых предметов наиболее характерными являются фибулы с утолщенной дужкой, крупные бляшки с полушаровидным выступом посередине и браслеты, один из которых с головами змей на концах. Среди бус имеются крупные бочкообразные агатовые и шаровидные сердоликовые, часто встречающиеся при раскопках урартских памятников. Мелкие стеклянные бусы с украшениями в виде глазков также относятся к урартскому времени.

При раскопках Арин-берда в большом количестве (свыше 100 штук) были найдены бронзовые наконечники стрел скифского типа, большинство которых представлено трехгранными наконечниками ромбической формы без втулки. Имеются одиночные экземпляры двугранных наконечников и трехгранных со втулками и срезанными перьями.

Наряду с бронзовыми наконечниками скифского типа обнаружены также черенковые железные как листовидные, так и трехгранные. Сравнение арин-бердских наконечников с найденными на Кармир-блуре выявляет некоторое их отличие. На Кармир-блуре преобладают наконечники со втулкой, имеющей изогнутый шип. Наконечники стрел ромбической формы без втулки найдены на широкой территории Передней Азии (Топрах-кале, Вавилон, Джерар, Сузы), но в своей основной массе они позднее втульчатых и особенно наконечников с загнутым шипом.

Обстоятельства, при которых были найдены бронзовые наконечники стрел, позволяют предположить, что они первоначально находились в сырцовых кирпичах кладки стен и попали внутрь помещений после обрушения стен. Вероятно, они принадлежали врагам, обстреливавшим крепость. Отличие арин-бердских наконечников от кармир-блурских допускает предположение, что нападение врагов на Эребуни не совпадало

⁸ Б. Б. Пиотровский. Кармир-блур, III, стр. 27.

по времени с гибелью Тейшебаини. Урартские строительные остатки на Арин-берде не носят следов разрушения и пожара. Скорее всего здания всего комплекса были заброшены.

Археологические исследования Арин-берда отчетливо показали, что жизнь в Эребуни продолжалась в V—IV вв. до н. э.

Некоторые из найденных предметов несомненно относятся к ахеменидскому времени (железные удила с навесными кольцами, напоминающие удила Ахалгорийского клада, часть чаши с ручкой в виде головы утки, чашечки с горизонтальной полукруглой ручкой у края и др.). В 1956 г. около храма «Susi» были найдены две серебряные монетки милетской чеканки IV в. до н. э. Подобные монетки были найдены в Персеполсе, и их находка представляется чрезвычайно важной для датировки второго периода жизни Эребуни. Нет сомнения, что в ахеменидское время урартские постройки еще стояли, хотя некоторые обрушения уже произошли. Урартские здания подверглись перестройке, перепланировке, многие дверные проемы были заложены, дворы застроены, карасы в кладовой для вина, при перестройке ее в комнату, были сравнены с землей и поверх них был насыпан поздний пол. Росписи на стенах покрывали слоем штукатурки. Урартский храм был перестроен в иранскую апсиду. Нет сомнения в том, что и в V—IV вв. до н. э. крепость Эребуни сохранила свое могущество и изучение культуры ахеменидского времени представит не меньший интерес, чем урартский период, когда крепость представляла собою более административный, чем хозяйственный центр.

Эти работы показали, что для исследования Эребуни важными представляются результаты аналогичных работ, произведенных на Кармир-блуре, древнем Тейшебаини. Совместное изучение обоих этих памятников, различных по своему характеру, значительно способствует изучению урартской архитектуры и строительной техники в целом.

Первый же год работ на холме Арин-берд дал интересные результаты, выразившиеся прежде всего в находке двух клинообразных надписей, одна из которых принадлежала Аргишти, сыну Менуа, а другая — Сардури, сыну Аргишти.

Первая надпись прекрасно сохранившейся клинописи (рис. 1), состоящая из 13 строк, содержит следующий текст:

«Бога Халда величием Аргишти, сын Менуа, эту мощную крепость построил, установил для нее имя Эребуни, для могущества страны Биайны и для устрашения вражеских стран. Аргишти говорит: ...земля была пустынной, (?) могучие дела я там совершил. Бога Халди величаем, Аргишти сын Менуа, царь могущественный, царь страны Биайна, правитель города Тушпы».

Во второй надписи, у которой сбит верх и сохранилась лишь правая половина с девятью строками текста, говорится:

(Сардури сын Аргишти это) «аги» построил. 5100 капи там (в нем).

Рис. 1. Клинописи. Аргишти, сына Менуа, об основании города Эрбунни

Сардури, сын Аргишти, царь могущественный, царь великий, царь страны Биаины, царь страны, правитель города Тушпы»⁹.

Весьма важное значение для истории имеет сообщение Аргишти I о закладке в районе холма Арин-берд города, названного им Эребуни, города, который был известен еще раньше по ванской летописи, повествующей о событиях пятого года царствования Аргишти I, однако не дававшей возможности установить местонахождение этого города¹⁰. В этой надписи из Вана урартский царь рассказывает о построенном им городе Эребуни и, кроме того, сообщает, что он поселил в Эребуни одних только пленных воинов в количестве 6600, взятых им в странах Хате и Цупани, расположенных в северной Сирии, у западной излучины реки Евфрат¹¹. По-видимому, прав Г. А. Мелнкишвили, когда в этих пленных (причем без семей), переброшенных из Хате и Цупани в Эребуни, видит ту основную рабочую силу, руками которых здесь началась закладка обширного города. Потребность в такой рабочей силе могла быть вызвана строительством одной только цитадели, где, как показали далеко не законченные раскопки, был выполнен грандиозный объем строительных работ при Аргишти I, а в дальнейшем — при Сардури II.

Становится очевидным, что Эребуни, являясь крупным урартским городом на данной территории Араратской равнины, не уступал по значению городу Аргиштихинили. Но Эребуни был преимущественно военным центром, «для устрашения вражеских стран», а не хозяйственным. Это дало Г. А. Меликишвили основание предположить, что урартская власть на Араратской равнине была сосредоточена в руках начальника области, имевшего пребывание в самой могущественной тогда урартской крепости Араратской равнины — в Эребуни¹².

В связи с этим надо предположить, что такая мощная крепость находилась, кроме того, и на важной урартской магистральной дороге, проходившей севернее реки Аракс. Такое предположение прежде всего обуславливается количеством городов в данной части Араратской равнины, которые своим географическим местоположением определили направление существовавшей тогда магистрали¹³. Следовательно, Эребуни надо рассматривать как крупный военно-стратегический плацдарм урартов, укреплявший их власть в северной части завоеванных земель и обеспечивавший дальнейшую экспансию на север. Что касается Аргиштихинили, то, по-видимому, как полагает Г. А. Мелнкишвили, в этом го-

⁹ Перевод текстов принадлежит Б. Б. Пиотровскому.

¹⁰ Что касается достоверности перевода «земля была пустынной», о чем имеются различные толкования (В. Барнабаш. *Արին Բերդի Տուսի տաճարը և նրա արձանագրությունները: Հայկական ՍՍՏ ԳԱ Տեղեկագիրք*, հան. գիրք., 1957, № 9, էջ 93—104), нам кажется, что сведения касаются не области и не отдельных строительных площадок цитадели, а города в целом, который был заложен на свободной от древней застройки территории.

¹¹ Г. А. Меликишвили. Напри-Урарту, стр. 258.

¹² Там же, стр. 258.

¹³ К. Оганесян. Урартское поселение в селе Арагац. «Известия АН Армянской ССР» (общественные науки), 1958, № 4, стр. 80.

роде была сосредоточена хозяйственная деятельность урартов, о чем можно заключить по текстам найденных там клинообразных надписей.

Выделяясь своим важным военным и административным положением среди остальных урартских городов южного Закавказья, Эрбунни, как показывают результаты раскопок, отличался и высоким архитектурно-строительным уровнем, так как в крепости находился также и дворец, на что указывает и сам термин «Ê - GAL»¹⁴. В Эрбунни был выявлен целый ряд монументальных, ранее неизвестных, урартских архитектурных сооружений с богатым оформлением их интерьеров многокрасочной росписью. Именно на Арин-берде впервые удалось установить архитектурную сущность давно известных урартских клинописных терминов. Ê-GAL и Susi, и проверить частые упоминания клинообразных текстов о том, что Ê-GAL почти всегда сооружается в комплексе с культовым сооружением, каким в данном случае представляется Susi.

Эти, отдельно стоящие, архитектурные сооружения, построенные Аргишти I и Сардури II, приводят к заключению, что цитадель Эрбунни застраивалась не в один строительный период, а постепенно, в течение продолжительного времени, что жизнь крепости была долговременной. Это подтверждает весьма интересная и новая страница в исследованиях Арин-берда, которой выявлены древнейшие армянские постройки Эрбунни ахеменидского периода, датируемые не только по своему типу, но и археологическим материалам.

Вместе с тем знаменательно и отсутствие на Арин-берде памятников второго периода истории Урарту, после Сардури II.

Появление памятников ахеменидской архитектуры, как и вообще распространение ахеменидской государственной власти на территорию Урарту, связано с походами Кира на Запад. Урарту пало под ударами мидян, однако скорая смена их ахеменидами явилась поворотным пунктом во всех исторических событиях на древнем Востоке. Ахеменидский Иран, завоевавший значительную часть древнего мира, лишь огнем и мечом мог удержать подвластные ему громадные территории. Армения, образовавшаяся на территории распавшегося государства Урарту, после упорного сопротивления вошла в 13-ю и 18-ю сатрапии этой могущественной ахеменидской державы.

Ахемениды, как и урарты, должны были создавать в покоренных областях свои военно-административные центры. Они доходили и до озера Севан, на что указывает недавняя находка около Казаха великолепных баз колонн ахеменидского стиля. Поэтому вполне понятно решение ахеменидов укрепиться на цитадели Эрбунни, поскольку еще со времени урартов эта крепость слыла как могущественная.

По ряду соображений можно полагать, что цитадель во время ахеменидов находилась в хорошем, вполне пригодном для военных целей, состоянии. Это видно хотя бы по тому, что некоторые урартские постройки цитадели при перестройке вошли в ансамбль ахеменидских по-

¹⁴ В. А. Гвахария. О смысловом значении Ê и Ê-GAL в урартском. «Вестник древней истории», 1959, № 2, стр. 99

строк без каких-либо серьезных ремонтных работ. Реконструкции, выявленные па Арин-берде, касаются лишь изменения тематического содержания внутреннего пространственного построения здания. В результате этого в цитадели появились новые по назначению здания, в ряду которых мы находим известную архитектурную форму—ападану, довольно грандиозную постройку светского зодчества древнего Ирана. Другая ахеменидская постройка, созданная после реконструкции Susi, является храмом огня. Эта редкая даже в самом ахеменидском Иране постройка, известная по раскопкам в Сузах, здесь, в Эребуни, сохраняет много общих черт с соответствующими постройками в центре ахеменидского государства.

Таким образом, Эребуни представляется нам тем редким узловым пунктом древности, той гранью древнего Востока и сменявшейся его эпохи, где встречаются закончившее свою историческую жизнь зодчество Урарту и зарождающееся зодчество ахеменидов, вбирающие в себя все предшествующие культурные достижения древнего мира.

Кроме того, Арин-берд является пока тем единственным местом, где впервые обнаруживается архитектура эпохи формирования армянского государства.

Наконец, раскопки Арин-берда дали важнейший материал для решения вопроса о времени возникновения Еревана. Само имя крепости Эребуни дало основание некоторым исследователям видеть в нем имя столицы Советской Армении — Еревана¹⁵. Таким образом, можно считать время постройки Эребуни временем основания Еревана, который, как нам кажется, переместился к северо-западу, а затем, после расширения, снова включил в себя свое первоначальное ядро.

В летописях Аргишти указывается, что город Эребуни был заложен в пятом году его царствования, т. е. в 782 г.

Таким образом, в 1968 г. городу исполнится 2750 лет.

Ереван начинает свою историческую жизнь с глубокой древности, неся на себе тяжесть многих веков, являясь уже в начальный период своей истории могущественным городом древнего Востока с величественной архитектурой своих построек.

Естественно возникает вопрос, почему Ереван получил свое название от Эребуни, а не Тейшебаини, который, как известно, был крупнейшим центром в этом районе, куда были свезены еще при урартах сокровища из Эребуни, на что указывают клинообразные надписи на бронзовых предметах, отмечающие их принадлежность именно Эребуни.

Как полагает Б. Б. Пиотровский, крепость Эребуни в свое время была заброшена и поэтому во время нападения скифов в VI в. до н. э. не была разрушена и сожжена, как Тейшебаини. Именно потому сохранившиеся строения города Эребуни дали ему возможность впослед-

¹⁵ Մ. Իսրայելյան. Ուրարտական երկու նոր արձանագրություններ Հայկական ՍՍՌ-ի Համ. րաժ. Տեղեկագիրք, 1951, № 8, էջ 97: Ա. Միրզոյան. Սրբանի աշտու ծաղման շուրջը ՀՀ Համ. րաժ. Տեղեկագիրք, 1951, № 11, էջ 97—99:

ствии, в ахеменидскую эпоху, продолжать свое многовекторное существование.

И наконец, то обстоятельство, что город, основанный для могущества страны и устрашения вражеских стран древнего Востока, в момент боев со скифами эвакуируется, оставляя заботу об обороне области на хозяйственном центре Тейшебаини, как нам кажется, может найти себе объяснение в том, что мощный войсковой гарнизон Эребуни был переброшен на более важный участок битв, которые происходили в центральной части страны.

Раскопки на Арин-берде ведутся систематически с 1950 г. Академией наук Армянской ССР, сначала отрядом Кармир-блурской экспедиции, а начиная с 1952 г., самостоятельной экспедицией совместно с отрядом Музея изобразительных искусств им. Пушкина (Москва) и отдела охраны памятников Госстроя Армянской ССР.

В раскопках принимают участие: К. Л. Оганесян (начальник экспедиции—1950—1959), И. М. Лосева (1952—1956, 1958, в 1956 и 1958 гг., руководитель отряда Музея изобразительных искусств им. Пушкина), М. А. Израелян (1952—1954, с 1956 по 1959, начальник отряда Института истории Академии наук Армянской ССР), С. И. Ходжаш (1952—1959), А. К. Кочоян (1951—1953, 1956), М. Н. Прокофьева (1956, 1958), А. А. Демская (1959), Н. С. Трухтанова (1959), С. Тер-Авакян (1959), С. Арутюнян (1959), Ш. А. Азатян (1956—1959), К. К. Кафадарян (1959), А. А. Вруйр — фотограф экспедиции (1956—1959). В. Газазян — реставратор (1959).

Работы на Арин-берде проводятся при постоянной научной консультации Б. Б. Пиотровского (1950—1959).

¹⁶ Статьи К. Л. Оганесяна. См. «Известия Акад. наук Армянской ССР», 1951, № 8, стр. 75—88; «Советская археология», 1960, № 3, стр. 289—296; Б. Б. Пиотровский и К. Л. Оганесян. XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР. Раскопки урартских крепостей Эребуни и Тейшебаини (Арин-берд и Кармир-блур), 1950. Статьи И. М. Лосевой. См. «Советская археология», 1958, № 2, стр. 179; «Советское востоковедение», 1955, № 3, стр. 144.